

О СООТНОШЕНИИ ЖАНРОВОГО МЫШЛЕНИЯ И ЛИРИЧЕСКОГО НАЧАЛА В ЛИРИКЕ М. Н. МУРАВЬЕВА

Становление авторского «я» в русской литературе XVIII в., осознание категории авторства в специфических для новой литературы формах — сложное и недостаточно изученное явление. Наиболее плодотворные пути исследования данной проблемы в переходный от классицизма к сентиментализму период намечены Б. О. Корманом («Кризис жанрового мышления и лирическая система (О поэзии М. Н. Муравьева)» [1]). Предлагаемое сообщение связано с областью научных интересов и идей Бориса Осиповича: оно посвящено соотношению жанрового мышления и личного начала в лирике М. Н. Муравьева.

Одной из основных форм выражения и обнаружения личного начала в лирике Муравьева 1770-х гг. становится самостоятельный фрагмент, наращиваемый к традиционным классицистическим жанрам. Открывая или завершая текст, эти «дополнения» приносят в эклогу, эпистолу, оду абсолютно недопустимые для них признания личного характера («Эклогы» к его превосходительству И. П. Тургеневу» и др.). Возникновение двухчастных («компромиссных») лирических структур — закономерное следствие переходного характера художественного мышления поэта.

Освобождение авторской индивидуальности от давления безлично-абстрактного идеала правильной жанровой формы высвобождает личный тон, сближающий и объединяющий «личность автора» и «объект изображения» — величины, еще недавно существовавшие в поэтической системе Муравьева как отдельные, подчеркнуто обособленные. В середине 1770-х гг. эти процессы захватывают самый внеличностный жанр — оду. Запретные для нее темы и настроения автобиографического характера становятся темами и настроениями целого, оттесняя подобающий жанру предмет на периферию текста, отводя ему роль вставки. Признания глубокого интимного характера требуют иной аудитории — не привычного для оды «многолюдства», а доверенного лица, друга. Обязательный для жанра монолог уступает место диалогу. Ода приближается к посланию («Ода вторая. К А. М. Брянчанинову» и др.), что отнюдь не отменяет существования в художественной системе Муравьева 1770-х гг. классицистических по своей природе жанров, в которых авторское «я» обладает строгой заданностью («Ода на случай Кагульской битвы», «Об учении природы. Письмо к В. В. Ханыкову» и др.).

Разрыв с классицизмом неизбежен уже потому, что, открывая новые ценности — человека, человеческую жизнь, личность одно-

временно отвоевывает и утверждает право говорить преимущественно о себе и исключительно от себя. Муравьев был подготовлен к этому перелому не только ходом развития предшествующей литературы, но и логикой собственных нравственных исканий, типом жизнетворчества. Стремление к гармоническому соответствию жизни и поэзии — как к некоему идеалу — стирает, а порой и уничтожает грани между литературой и бытом. Дневник (поэт назовет его позднее «Сентиментальным журналом»), письма и лирика Муравьева объединены общностью художественной установки: по собственному признанию поэта это были «писанья» о «самом себе». Письма Муравьева к отцу, сестре, другу В. В. Ханыкову ускоряли и активизировали превращение лирики в автобиографию, в «Историю чувствований, сердца, заблуждений» (М. Н. Муравьев).

Естественным результатом этого процесса стало появление новых жанровых форм, обладающих различной способностью вбирать, сохранять и проявлять биографический материал. Дружеское послание удерживало факт, эмпирическое переживание. В структуре целого этот пласт текста всего лишь деталь или эпизод («Успех твой первый возвещая...» и др.). Стихотворный фрагмент решает более сложные задачи. Эмпирическое переживание, факт биографии становятся здесь темой целого. Фрагмент нередко претендует на создание психологического автопортрета («Я был на зрелище...», «Отрывок. К В. В. Ханыкову», «Мои стихи, мой друг...»).

1. Корман Б. О. Практикум по изучению художественного произведения. Ижевск, 1978, С. 25—35.

См. его же: Авторское сознание в лирике К. Н. Батюшкова (ценностный уровень) и традиции русской поэзии XVIII века//Проблема автора в художественной литературе. Ижевск, 1983. С. 5—12.